

А начинается она так: «Жили-были три братика...». На протяжении всего дневника в полном или сокращенном варианте этот зачин появляется много раз. Незадолго до смерти Павлуша сказал отцу: «Хотелось мне поправиться, чтобы пожить хоть немножко с братиками, но, видно, не судьба».

Заканчивается дневник последним письмом Ольге Александровне, написанным уже после смерти Павлуши. Всего 10 строк, но в них страшный приговор, который Александр Павлович вынес себе сам. Слишком жесток был удар, нанесенный ему судьбой. Единственный человек, который мог бы ему помочь, – жена – слишком далеко от него, а сам он не может решить: что ему теперь делать со своею жизнью?

Его самые близкие друзья – Е. Т. Павловский, Е. И. Покусаев и А. П. Медведев понимали возможность трагической развязки и прилагали все усилия, чтобы её предотвратить. Они не оставляли его в эти дни одного ни на один час, бесконечно бродили с ним по городу, о чём-то всё время беседовали. Очень много времени Александр Павлович проводил в нашем доме, и папа убеждал его в необходимости поехать к Ольге Александровне и самому рассказать ей то, о чём он писал в неотправленных письмах.

Александр Павлович принял это решение, но лишь через два месяца, пройдя через множество официальных преград. Он вместе с матерью Ольги Александровны Юлией Михайловной выехал в Караганду, месту ссылки жены. Необходимость дневника исчезла, и как происходила эта встреча, знали только трое.

Благодаря таланту автора дневника реальный жизненный материал, глубоко трагический в своей сути и предельно интимный по содержанию, придаёт этому документу высочайшую художественную и историче-

скую ценность. В нём есть сюжет, конфликтные ситуации, герои – реальные люди, определяющие свою тему и её драматическое развитие, но, главное, в нём есть Время и Личность автора; личность широко известная в литературном мире, никогда не раскрывавшаяся с такой полнотой в своей, вероятно, самой главной человеческой сущности. Здесь вы не найдёте Александра Павловича Скафтымова – учёного, педагога (об этом уже много написано), но вы узнаете его как Отца и Мужа, вы увидите его таким, каким он был в самые тяжелые, мучительные времена, каким его знали только очень близкие ему люди, друзья семьи.

Примечания

¹ Цит. по тексту справки № 103483 от 26 апреля 1939 г., выданной О. А. Скафтымовой начальником управления Карлага НКВД (осуждена 15 сентября 1935 г., начало срока – 13 марта 1935 г.).

Сохранился маленький листок из блокнота О. А. Скафтымовой с датами и маршрутом её поездки из тюрьмы до места ссылки: «6 / X уехали Погорелова и Заболотнова» (осужденные вместе с Ольгой Александровной преподаватели кафедры иностранных языков пединститута. – К.П.). 7 / X приговор. 10 / X перевели в I корпус <тюремь>. 12 / X свидание и Вера Абрамовна. 17 / X баня. 18 / X кино «Бомбист». Ужасно!!! 21 / X и 22 / X были на швейке. 22 / X взяты на этап, баня, спали на стульях. 23 / X амбулатория. последнее свидание. Кошмары. Ночь. 24 / X круг, шествие. берег. 25 / X выезд из Саратова на «Ломоносове» (волжский пароход. – К.П.). 26 / X Вольск. 28 / X Съзрань, 10 км. пешком, баня, посадка в поезд. 29 / X Батраки, Самара. 31 / X Уфа, 3 старухи, обмороки. 1 / XI Урал. Горные хребты. 2 / XI Челябинск, ушла Вера Абрамовна. 4 / XI стоянка в Кургане. сутки. 5 / XI Петропавловск, тюрьма. автомобилем. 6, 7, 8 / XI. 35 г. С 8 – параша. Ночь. чистка картофеля по 2 пуда на человека. 9 / XI баня на берегу Ишима. Кругом степь, часовые у ворот, в камере тепло».

2 сентября 1959 г. Саратовским областным судом О.А. Скафтымовой была выдана справка № 31ж377 о том, что «постановление Особого совещания НКВД СССР от 15 сентября 1935 года отменено, и дело в отношении Скафтымовой О. А. прекращено за недоказанностью предъявленных обвинений».

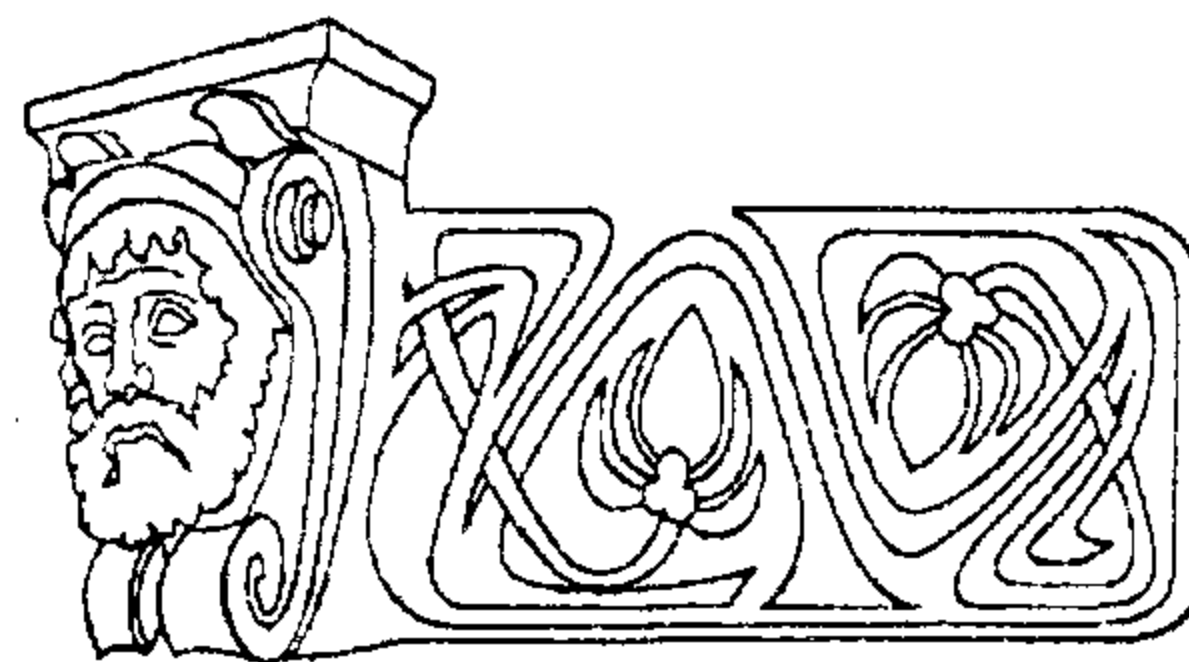
² Рассказ об этом страшном эпизоде был услышан мной от самой Ольги Александровны после её возвращения из ссылки.

УДК 882-6+929[Скафтымов+Чуприна]

ПИСЬМО А. П. СКАФТЫМОВА к И. В. ЧУПРИНЕ

Е.И. Криничка

Имя Александра Павловича Скафтымова широко известно в нашей стране и за рубежом. У него было очень много учеников, и

многие из них опубликовали воспоминания о нем. Его очень любили. Однако о жизни его известно далеко не все. Знавшие профессора

люди говорят о его сдержанности, о том, что внутренний мир своей души он не любил открывать.

Полностью душу свою он раскрыл только любимой женщине и ученице – моей маме Ирине Валериановне Чуприне. Судьбе было угодно, чтобы Александр Павлович на склоне лет полюбил молоденькую женщину, годящуюся ему в дочери, и она ответила ему взаимностью.

Среди записок и писем, написанных Александром Павловичем маме, есть одно письмо, которое не должно пропасть. В нем автор говорит о своем мироощущении, о «самом дорогом» в своей душе. Письмо имеет глубокий философский смысл.

Я долго думала, есть ли у меня право публиковать глубоко личное письмо. Наконец, решила, что должна это сделать. В нашем городе множество людей знают, что я – дочь Александра Павловича, а какой была любовь моих родителей, не знает никто. Я хочу, чтобы люди знали, что это была возвышенная, чистая, «святая», трагическая любовь, а не просто «роман».

На письме нет даты, но в нем говорится о горе, которое переживала мама в тот период, – смерти ее бабушки весной 1952 года. Тогда и было написано публикуемое письмо.

А.П. Скафтымов – И.В. Чуприне
1952 год

Милая Ирушенька! Я скучаю о тебе и хочу с тобой говорить. Нового я тебе ничего не скажу. Во мне все прежнее, тебе известное. Но я неудержимо хочу обращаться к тебе, чувствовать, что все слова, какие я сейчас напишу, ты прочтешь, и они отзовутся в твоей душе.

Расскажу тебе, дорогому, о самом дорогом. Я счастлив, что могу тебе об этом рассказать, рассказывать и говорить, говорить об этом без конца, пока тебе не надоест меня слушать. Встал я сегодня утром полон тобой (как это всегда бывает, хотя и по-разному). Мне надо было кое-что чуть-чуть продумать для сегодняшней лекции. И я сразу заметил, что не могу думать: ты заслоняешь все. Мысли рвутся, останавливаются, перебиваются: всюду, сквозь все просвечиваешь ты. Не знаю, почему и каким это образом пришло: мне захотелось тогда же написать тебе письмо. Показалось, будто бы то высокое, что теперь во мне всегда сливается с тобой, выскажется в письме лучше, возвышеннее и святее, чем сказать об этом просто так. Милая, я хочу, чтобы ты меня слышала именно в такие моменты, ко-

гда я благоговейно склоняюсь перед тобой и целую твои ноги. Целую не так, как это было, а так, чтобы ты стояла или сидела, а я пал бы на колени и плакал и целовал края твоих ног. В реальности так не сделаешь, реальность это чем-нибудь испортит. Разве само собою, жизнью самой когда-нибудь осуществится. Но такое представление в сердце моем всегда является образом, символом, зрительным выражением моей любви к тебе. Так я ее ощущаю, так она во мне живет. Ты неизменно всегда и непрерывно во мне, и большая, и маленькая, с заботами, делами, со всей человеческой трудностью жизни, и всюду я тебя люблю. Но ты же для меня и там, куда мы поднимаемся редко, где живет в нас вселенная: и небо, и облака, и звезды, и река, и лес, и даль степей, и все мысли о мире. Стоит чему-нибудь втолкнуть меня в этот воздух большой жизни, сейчас же являешься ты и все пронизывается тобой, твоими глазами, лицом твоим, твоими руками, твоею улыбкой, твоею милой душой, как я ее ощущаю, всем твоим существом, какое не определишь и не назовешь и только дышишь им и носишь его в себе. И падаю я перед тобой, и плачу, и целую землю, на какой ты стоишь. И если во мне есть что-нибудь достойное тебя, так только вот эта моя любовь к тебе. Человек – это звучит гордо, – может быть, это и так, когда человек строит корабли и аэропланы. Но это совсем не так, когда человек думает о себе и о мире, которому нет ни начала, ни конца, когда чувствует немое и равнодушное мерцание звезд, когда видит могилы, тоскует о неведомой красоте, путается в самом себе и, наконец, умирает. Для нашего сознания и радость грустна. И все, что создано человечеством великого в искусстве (этом вопле, всегда вопрошающем и простирающем), все в конце концов звучит страдальчески и трагически. Большая мысль и большое чувство непременно отзываются слезами. Оттого, Ирушенька, в моей любви к тебе так много плачущего. Бывают слезы и просто от жалости к себе. Ты знаешь, как во многом нам не может не быть нестерпимо больно, — и для меня и для тебя. Но не только от этого возникают мои слезы. Я люблю тебя оттуда, где во мне живет вся моя грусть и вся тоска перед лицом всего бытия, перед лицом всей затерянности человеческой. Твой милый образ неотделимо пробуждает во мне все святое, перед которым тоскует и страдает мое живое, неустроенное и немилое «я». Помню, — ты это заметила, — смотрел, смотрел я на твои руки и подступил клубок, и пришлось отвернуться и застыдиться. И я сам потом удивился, как это произошло. С твоими руками, с нежностью моей, дунуло на меня то, что в каждом из нас есть большого, трогательно-человеческого, всегда тоскующего и зовущего. Через тебя, через мою нежность к тебе подступило какое-то трудно определимое общее чувство человека в бытии. Так со мною часто бывает. С этого началось. Это и продолжается. И часто это захватывает врасплох, совсем неожиданно. Как-то на днях мне надо было в лекции студентам сказать несколько слов о

жизненно-синтезирующей силе Толстого. И вспомнил я, как это у него в романе «В. и м.» происходит. Вспомнил картины сражений, с треском ружей, дымом пушек, сначала где-то вдали, потом около, увидел падающих людей, услышал взвизгивающую раненую лошадь, поливающую своей кровью траву, увидел князя Андрея, шагающего по пыльной полусохшей траве, увидел, как он сразу упал, раненный в живот, как его унесли в какой-то гнилой лазаретик, и сейчас же увидел его же, Андрея, слушающего голос Наташи, раздающийся сверху из окна, когда ей хотелось лететь в лунной тихой весенней ночи, увидел и услышал взвизгивающую Наташу, кружащуюся в какой-то большой комнате, вее-ром распускаяющую свое платье и потом весело сидящую на полу в кругу этого расстелившегося платья, вспомнил мороз, визг саней на святки, усы, наведенные жженой пробкой и пр. и пр. И вдруг сквозь все это явилась ты, милая, и меня схватило это чувство перекрестно-общей человеческой жизни, с капельками крови на траве под ярким солнцем, с суровостью и ужасом пороха и дыма, с мужеством и беззащитностью падающего солдата и с нежной тихостью домашних комнат и веселого, ожидающего детства. И я плакал, мысленно целуя твои руки, и долго не мог удержаться. Хорошо, что был один. На лекции, конечно, об этих картинках уже не пришлось говорить. Вот и сейчас у меня слезы на глазах. Не знаю, отчего.

Вот, Ирушенька, и все. Ты сейчас в горе, в большом горе, и я хочу, чтобы ты чувствовала твою правую руку в моей левой руке (как во сне). Прощай, мой дорогой. Целую твои маленькие, милые, кроткие и нежные руки.

С.

Перечитал письмо. Писалось все о слезах. Если бы не тебе писал, мне было бы стыдно. Но ты меня любишь и чувствуешь. Тебе говорю, все равно, что себе говорю, и мне радостно, что ты меня опять почувствуешь в том, о чем я бы никому не сказал.

Теперь я хочу рассказать о маме.

Моя мама, Ирина Валериановна Чуприна, родилась 16 мая 1924 года в г. Чернигове в семье военнослужащего. В 1931 г. поступила в черниговскую среднюю школу. В связи с переводом отца по службе училась затем в г. Пугачеве и г. Энгельсе Саратовской области. В 1941 г. окончила среднюю школу № 13 г. Энгельса. В том же году она поступила на филологический факультет Саратовского государственного университета. В связи с болезнью окончила его не в 1945, а в 1946 г. (В то время в университете учились 4 года.)

1 ноября 1946 г. мама была зачислена в аспирантуру при кафедре русской литературы СГУ. Окончила ее 1 ноября 1949 г. По

окончании аспирантуры была назначена на работу в Белорусский государственный университет. Однако при отсутствии вакантных мест, работать там не пришлось.

В течение 1949/50 учебного года и в 1952/53 учебном году работала в качестве внештатного преподавателя кафедры русской литературы. 22 сентября 1952 г. мама защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук, и 15 октября того же года Ученый совет Саратовского университета принял решение о присуждении ей ученой степени.

14 марта 1953 г. ей был выдан диплом кандидата филологических наук.

До 1 марта 1963 г. она работала старшим преподавателем, а в этот день ей был выдан аттестат доцента.

О маме как ученом и педагоге написал заведующий кафедрой истории русской литературы и фольклора профессор Ю. Н. Борисов в сопроводительном письме при рассылке ее книг в библиотеки зарубежных стран:

Ирина Валериановна Чуприна (1924–2000) – литературовед, историк русской литературы, исследователь творчества Л. Н. Толстого и его современников.

Вся жизнь И. В. Чуприны была связана с Саратовским государственным университетом им. Н. Г. Чернышевского. Здесь в благотворном окружении крупнейших русских филологов, профессоров Саратовского и Ленинградского университетов А. П. Скафтымова, Б. М. Эйхенбаума, М. П. Алексеева, Г. А. Гуковского протекли ее студенческие годы, пришедшиеся на время Второй мировой войны. Здесь под руководством своего учителя Александра Павловича Скафтымова, благодарную память о котором она хранила до последних дней, подготовила и защитила диссертацию, посвященную раннему творчеству Льва Толстого (позже по материалам диссертации была опубликована прекрасная книга: *Чуприна И. В.* Трилогия Л. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность». Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1961). Здесь при поддержке А. П. Скафтымова, Е. И. Покусаева, Ю. Г. Оксмана началась ее научно-педагогическая деятельность, длившаяся более трех десятилетий.

Природа щедро одарила Ирину Валериановну редкостной красотой, пытливым умом и особой чуткостью к вопросам нравственного самоопределения человека. Все это придавало ее университетским лекциям и семинарам неповторимое обаяние. Несколько поколений студентов постигали глубины творческих откровений Льва Толстого, Достоевского, Чехова вослед проникновенной мысли и слову И. В. Чуприны.

В своих научных разысканиях И. В. Чуприна всегда оставалась верна заветам своего учителя: «Нужно честно читать» и «Только само произведение может говорить за себя». В художественных и публицистических текстах Л. Толстого она прослеживала целостное «сцепление мыслей», восстанавливая тем самым, вопреки распространенному противопоставлению Толстого-мыслителя Толстому-художнику, единство творческой личности писателя. Именно так прочитаны ею «главные книги» русского гения – «Война и мир» и «Анна Каренина» в фундаментальной монографии: *Чуприна И. В. Нравственно-философские искания Л. Толстого в 60–70-е годы.* Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1974.

Уже по завершении своей педагогической карьеры И. В. Чуприна с увлечением разрабатывала выдвинутую ею гипотезу об общем прототипе героинь знаменитой картины Крамского «Неизвестная» и повестей Тургенева. В результате получилась увлекательная книга (*Чуприна И. В. О реальной основе некоторых произведений И. Н. Крамского и И. С. Тургенева.* Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1994), в которой драматические события и лица реальной истории и осмысление процессов творчества слились в целостный повествовательно-исследовательский сюжет, интригующий и побуждающий к дальнейшему поискам.

А. П. Скафтымов и И. В. Чуприна увидели друг друга в 1941 г. Его любовь тогда же и зародилась. Мама же преклонялась перед ним, но слишком далеки они были друг от друга. В 1943 г. мама вышла замуж. Ее муж, Иван Максимович Криничка, был эвакуирован из Москвы, где он учился на историческом факультете МГУ. В Саратове он продолжал учебу в Ленинградском университете (который был в эвакуации в нашем городе). Брак оказался недолгим, так как к

концу войны Иван Максимович вернулся в Москву. Он хотел там завершить образование, затем обосноваться и перевезти туда свою жену. Однако всему этому не суждено было сбыться.

Взаимные чувства Александра Павловича и Ирины Валериановны возникли, когда она стала посещать его семинарские занятия. Еще более сблизил учителя и ученицу дипломная работа на тему «Н. Я. Соловьев в период сотрудничества с А. Н. Островским». Далее мама поступила в аспирантуру. Научным руководителем также стал Александр Павлович. Было поразительное взаимопонимание между ними. Редчайшая духовная близость. Они встречались и очень много говорили на самые разные темы. Без этих встреч не могли жить. Когда было тепло, они гуляли по улицам, по садику на улице Рахова, а когда было холодно, сидели в подъезде, на лестнице, ведущей на чердак.

После того, как мама сказала своему мужу, что она уже не жена ему, он перестал приезжать. Однако формально они не были разведены. Дело в том, что партия, со Сталиным во главе, в то время особенно «охраняла семью». Развестись было возможно, но не просто. Я родилась 27 марта 1953 г. Александр Павлович готов был дать мне свое имя, но мама формально считалась замужем. Кроме того, в это время, после защиты диссертации, начиналась ее работа в университете. Скандала никто не хотел. Поэтому, по совету маминих родителей, мне дано было имя Ивана Максимовича Кринички. Я никого не виню, все было очень сложно.

Любовь моих родителей трагична, потому что у нее не было будущего. Привожу цитату из ранее написанного письма Александра Павловича: «Милая, хорошая моя девочка, дорогая Ирушенька, люблю я тебя самой нежной и кроткой любовью, и когда я с тобою, кажется, что во мне нет и не может быть ничего, кроме нежности. И я опять ропщу. Боже мой, зачем же все это так ужасно получается? Зачем, кому нужна была такая грубая и такая жестокая насмешка? Может ли быть в этом хоть какой-нибудь смысл? Какая обида! И вместо счастья, которое вот-вот, так и чувствуется, нам обоим скоро предстоит такое большое несчастье... Смотрю на тебя, слушаю тебя, люблюсь то-

бою, твоею светлою головкой, твоею милою душою, радуюсь от твоего присутствия, ласково волнуясь каждым твоим жестом и думаю, думаю... О, мой возраст. Было бы иначе. Взял бы я тебя к себе, несмотря ни на что...»

Александр Павлович страдал до конца жизни, а мама не вышла замуж. Очень трудно, даже невозможно было найти человека, который заменил бы ей моего отца.

Всю свою любовь она отдала мне и любимому делу, которое являлось продолжением дела ее Учителя и Любимого человека.

21 января 2000 года мама умерла.

Один человек про нее сказал: «Светлая была женщина». Это сказано очень верно. Она верила в добро и свет, была сильным человеком притом, что ей были свойственны необычайная нежность и женственность.

Русская литература и, особенно, Лев Толстой были ее религией. Мама верила в будущее России, верила в русский народ, но к концу жизни верить приходилось все трудней. Она очень близко к сердцу принимала все, что творится вокруг, и постоянно волновалась. Ее глаза всегда смотрели ясно и правдиво, она не могла представить себе, до какой степени люди могут погрязнуть во лжи и прочих пороках. Такому человеку, как мама, трудно жить, организм заболевает, и приходит смерть.

Последнее, о чем я хочу сказать, это то, что, мама как натура поэтическая очень любила музыку, хотя сама не играла, поскольку ее не учили. Она, так же как и мой отец, хотела, чтобы я стала музыкантом. Их желание исполнилось. Но это уже моя биография.

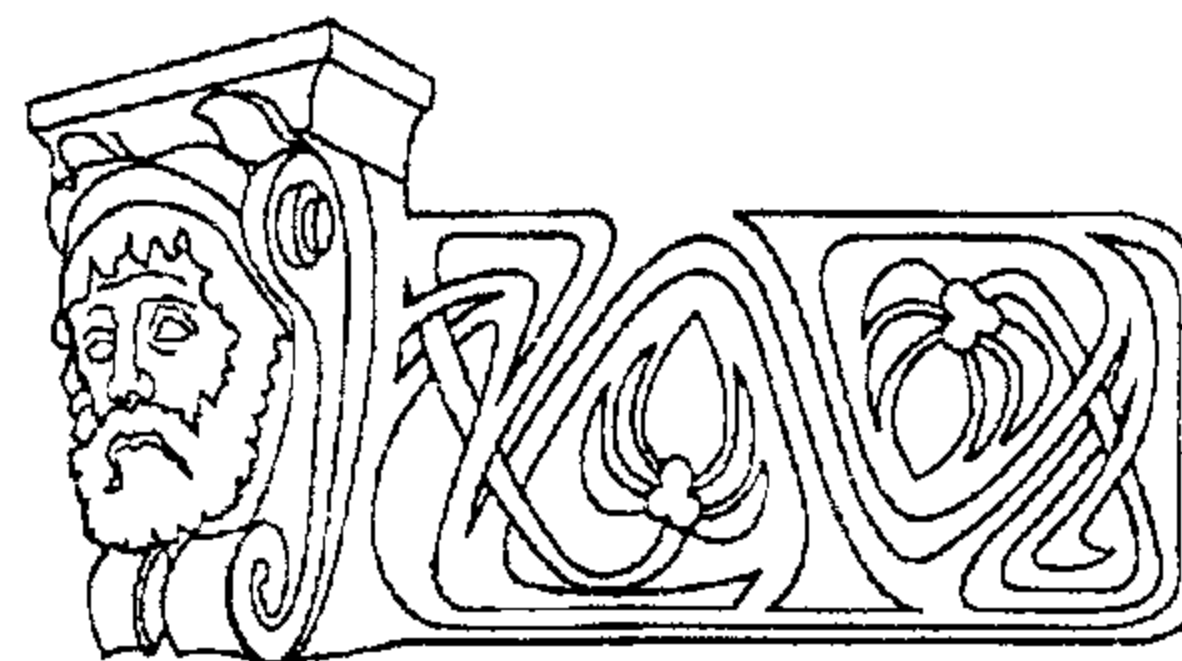
УДК 882.09+929 Скафтымов

УСТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ А. П. СКАФТЫМОВА 20-Х ГОДОВ (по архивным материалам)

В. К. Архангельская

Второе десятилетие XX века было временем необычайно интенсивной, напряженной научно-общественной деятельности профессоров и преподавателей университета, музеев, библиотек г. Саратова. Они входили в различные творческие объединения, работа которых была обращена не только к специалистам и студентам, но и к населению города и края.

Остановимся на некоторых материалах архива СУАК (Саратовской ученой архивной комиссии), а именно на заседаниях Отдела искусства и литературы Нижне-Волжского научного общества краеведения, относящихся к 1924 г., в которых активная роль принадлежала проф. А. П. Скафтымову. Разделение на отделы было следующим этапом в судьбе общества Истархет, объединявшего ученых и краеведов разных интересов. В 1919 г. действовала историко-филологическая секция при университете (совместно с обществом) и, как видно из отчета, было прочитано «особенно много докладов»; засе-

дания проходили публично в обширном зале так называемого старого университета, вход был свободным. Публичным лекциям «придавалось значение просветительное и также учебное» (Ф. 407. Ед. хр. 453. Л. 9). Действовали курсы по русской литературе проф. Н. К. Пиксанова, на них занимались «культурными гнездами Саратовского края, <...> с которым связаны такие имена, как Радищев, Чернышевский и др., изучение которых в Саратове приобретало особый смысл» (Там же. Л. 12). Традиции был дан ход, и в протоколе № 8-а от 7 июня 1924 года «административного заседания» Отдела искусства и литературы записано: «Признано желательным просить А. П. Скафтымова организовать изучение местных писателей и историков литературы (Чернышевского, Пыпина и др.), а Г. Г. Дингеса – немецкой местной литературы и поэзии» (Там же. Л. 13).

Жизнь и творчество Чернышевского в 20-е годы были в поле зрения многих членов обществ Истархет, и «Журнал учета докла-